

Л.Я. Шнейберг, И.В. Кондаков

«Блеск и нищета» экспериментов русской интеллигенции

«Ленин <...> считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу. <...> Чем рискует Ленин, если опыт не удастся? <...> Он работает как химик в лаборатории, с той разницей, что химик пользуется мертвой материей, но его работа дает ценный для жизни результат, а Ленин работает над живым материалом и ведет к гибели революции».

Так писал М. Горький в «Несвоевременных мыслях» 10 (23) ноября 1917 года; причем — и до, и после этого — его не покидает мысль, что все происходящее в стране — безжалостный «опыт», проводимый революционерами над народом, над рабочим классом, осуществляемый «на его шкуре, на его крови».

«Жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу...» — кажется, именно эта мысль легла в основу целого ряда произведений Булгакова-прозаика 1920–30-х годов — повестей «Роковые яйца», «Собачье сердце» и романа «Мастер и Маргарита». Во всех случаях повествование в булгаковских произведениях имеет два плана: реальный и фантастический, конкретно-бытовой и философской, метафорический; эти два плана, как часто бывает в искусстве гротеска, тесно взаимосвязаны и переплетены. Реальная жизнь оказывается фантазмагоричнее любой, самой невероятной фантастики, а фантастика воспринимается как вполне правдоподобное допущение. Высвечивая друг друга, бытовая конкретика повседневности и фантастические события литературного сюжета выявляли пределы возможностей развития определенных социальных тенденций, «проигрывали» гипотетические варианты исторического процесса. Вырываясь из плена узко понятой современности и рамок плоского жизнеподобия, писатель приоткрывал завесу над жгучими тайнами истории, мироздания, общественного устройства, человеческой природы.

Сюжетная канва повести «Роковые яйца» очень проста и перекликается с сюжетами многих научно-фантастических романов Г. Уэллса (о чем в повести есть прямые указания). По своему же критическому и сатирическому пафосу ближе всего замятинскому роману «Мы». Один из двух центральных героев повести профессор «зоологии, эмбриологии, анатомии, ботаники и географии» Владимир Ипатьевич Персиков сделал важное открытие в своей узкой области науки. Это был неизвестный в природе «красный луч», получивший среди коллег профессора, а также в прессе громкое и велеречивое название «луч жизни». Правда, луч с тем же успехом можно было бы назвать и «лучом смерти», «лучом разрушения».

Вот как открывается перед взором оторванного от реальной жизни экспериментатора картина совершенного им «революционного» открытия:

«В то время как в диске вне луча зернистые амебы валялись вяло и беспомощно, в том месте, где пролегал красный заостренный меч, происходили странные явления. В красной полосочке кипела жизнь. Серенькие амебы, выпуская ложноножки, тянулись изо всех сил в красную полосу и в ней (словно волшебным образом) оживали. Какая-то сила вдохнула в них дух жизни. Они лезли стаей и боролись друг с другом за место в луче. В нем шло бешеное, другого слова не подобрать, размножение. Ломая и опрокидывая все законы, известные Персикову как свои пять пальцев, они почковались на его глазах с молниеносной быстротой. Они разваливались на части в луче, и каждая из частей в течение двух секунд становилась новым и свежим организмом. Эти организмы в несколько мгновений достигали роста и зрелости лишь затем, чтобы в свою очередь тотчас же дать новое поколение. В красной полосе, а потом и во всем диске стало тесно, и началась неизбежная борьба. Вновь рожденные яростно набрасывались друг на друга и рвали в клочья и глотали. Среди рожденных лежали трупы погибших в борьбе за существование. Побеждали лучшие и сильные. И эти лучшие были ужасны. Во-первых, они объемом приближи-

тельно в два раза превышали обыкновенных амёб, а во-вторых, отличались какой-то особенной злобой и резвостью».

Проверка действия «красного луча» на икре лягушек дала не менее «потрясающие результаты»:

«...в течение двух суток из икринок вылупились тысячи головастиков. Но этого мало, в течение одних суток головастики выросли необычайно в лягушек, и до того злых и прожорливых, что половина их тут же была перелопачена другой половиной. Зато оставшиеся в живых начали вне всяких сроков метать икру и в два дня уже без всякого луча вывели новое поколение и при этом совершенно бесчисленное».

Эксперимент этот с разведением «болотного поколения» превратил целый институт в филиал болота; во всех углах квакало, завывало, расплзлось; зоологический сторож Панкрат испытывал (по отношению к Персикову) «одно чувство: мертвенный ужас», да и сам ученый скоро «почувствовал, что он шалает». Чудовищных земноводных пришлось «перебить ядами». Ассистирующий профессору приват-доцент Иванов говорит: «Да вы гляньте...» — и берет со стеклянного стола «невероятных размеров мертвую лягушку с распухшим брюхом. На морде ее даже после смерти было злобное выражение, — ведь это же чудовищно!»

Сенсационное открытие облетело всю Москву. «Известия» под заголовком «Новости науки и техники» опубликовали заметку, в которой сообщалось, что «известный профессор IV университета изобрел луч, невероятно повышающий жизнедеятельность низших организмов». Бесчисленные советские газеты и журналы, весьма однообразно символизировавшие свою революционность («Красный огонек», «Красный перец», «Красный журнал», «Красный прожектор», «Красный боец», «Красная вечерняя Москва» и особенно — «сатирический журнал “Красный ворон”», издание ГПУ), в мгновение ока переполнились волнующими сообщениями об изобретении «луча новой жизни», который повышает жизнедеятельность «ну, в тысячу раз» (что «вызовет мировой переворот» — причем не только «в животноводстве») и сопровождается «невероятной скоростью размножения»...

«Красный луч» привлекает внимание не только своей краснотой («он ведь с красным знаменем цвета одного!»). Но и тем, что извлечен из электричества (вспоминается ленинская «формула» советской власти), что повышает жизнедеятельность именно «низших организмов» (революционная апология «низов» общества, «трудящихся масс», пролетариата — в том числе в его люмпенизированных формах), стимулирует на борьбу за жизнь, связанную с безграничным разжиганием злобы и ненависти, в том числе взаимной, а главное — яркими и красочными перспективами создания некоей «новой жизни», осуществления «мирового переворота» (как по волшебству) в течение двух-трех дней, наподобие сотворения мирз библейским Богом.

Иносказательный смысл притчи о «красном луче» прозрачен: рафинированный чудаковатый интеллигент, жизни не знающий, газет не читающий принципиально, занятый одними «голыми гадами», случайно, в ходе каких-то частнонаучных экспериментов, обнаруживает средство, тысячекратно усиливающее процессы размножения и борьбы за существование — причем именно среди «низших организмов», делая их по своим силам и возможностям превосходящими организмы «высшие». Последствия подобного открытия, как и в романах Ж. Верна и Г. Уэллса, далеко превосходят все мыслимые границы, особенно в части причиняемого ими зла и безобразия.

Будучи приложенным не к амёбам или лягушачьей икре, «красный луч» вызывает бедствия: в тепличных условиях совхоза «Красный Луч» из присланных из Германии змеиных яиц вывелись гигантские пресмыкающиеся — анаконды, гремучие змеи, удавы, крокодилы... Полчища гадов, непрерывно размножающихся, преисполненных неслыханной злобой и ненавистью ко всему человеческому, движутся походом на Москву. Никакие доблестные бои конных отрядов Красной Армии, никакие газовые атаки с аэропланов, как

и действия агентов ГПУ Щукина и Полайтиса, не способны предотвратить страшную развязку. Москву, как и другие советские города, охватывает паника; начинаются пожары, мародерство. В результате учиненного разъяренной, неуправляемой толпой погрома сгорает Институт, занимавшийся лабораторным выведением «новой жизни», разбита камера, породившая злополучный «красный луч»; убит и растерзан толпой сам экспериментатор — профессор Персигов, вместе со своими «ни в чем не повинными» помощниками — Панкратом и прислугой Марьей Степановной... И только традиционный русский мороз, разразившийся чудесным образом «в ночь с 19-го на 20-е августа 1928 года» («морозный бог на машине» — иронизирует Булгаков в названии XII главы повести), спасает Россию от катастрофы ужасного масштаба. Гигантские пресмыкающиеся, подобно древним динозаврам мезозойской эры, вымерзли на подходе к Москве («с запада, юго-запада и юга»). «Были мертвы» бесчисленные змеиные, крокодилы и страусовые яйца, покрывавшие «леса, поля, необозримые болота» Советской России.

В отличие от Панкрата и Марьи Степановны, погибших при штурме института погромщиками, профессор Персигов, как и уцелевший после разгрома института приват-доцент Иванов, несомненно *виноваты* в произошедшей катастрофе: это они с воодушевлением «ловили» и «поймали» «красный луч»; это они экспериментировали не только с амебами, но и с более опасными существами (именно Персигов выписал из Германии для лабораторных опытов яйца анаконды и гремучника); это они конструировали приборы, способные усилить действие «красного луча» (вырастить из едва заметного «цветного завитка» «красный заостренный меч»), и возлагали большие надежды на революционное преобразование науки, а с ее помощью — самой жизни. Более того, бесталанный Петр Степанович Иванов (в конце повести — ординарный профессор, возглавивший вместо Персикова институт, который стал целым «зоологическим дворцом») пытается по-прежнему возродить «красный луч». И хотя все его старания безуспешны, потому что для того, чтобы сделать открытие подобного масштаба «нужно было что-то особенное, кроме знания, чем обладал в мире только один человек — покойный профессор Владимир Ипатьевич Персигов», павший жертвой открытого им оружия «новой жизни» (ведь озлобленная неистовавшая толпа обывателей — такой же плод «красного луча» как и пожирившие друг друга амебы или лягушки), старания новоявленных профессоров Ивановых по возрождению «красного луча» далеко не невинны. Именно Иванов, тогда еще приват-доцент, расточал первые похвалы профессору: «Вы открыли луч жизни!» В отличие от бескорыстного Персикова, настоящего «подвижника науки», Иванов — карьерист, прагматик, у него «голова кружится» от предчувствия мировой славы, от грандиозных последствий открытия Персикова.

Но есть еще один виновник катастрофы 1928 года. Это практический работник, не обремененный ни знаниями, ни творческими исканиями, ни ответственностью, — Александр Семенович Рокк (своей фамилией косвенно давший название повести; в одном из зарубежных изданий повесть так и была названа: «Рокковы яйца»). Он прибывает к Персикову «с казенной бумагой с Кремля» («Рокк с бумагой? Редкое сочетание», — комментирует профессор доклад Панкрата), как поясняет он сам — «с секретным отношением». Это Рокку, назначенному «заведующим показательным совхозом “Красный Луч”», предстоит с помощью «луча» профессора Персикова (который пока имеет лишь теоретическое значение) вывести в оранжереях совхоза гигантских кур, долженствующих решить непоправимо запутанную продовольственную проблему (в стране началась странная «куриная чума», для борьбы с которой созданы «чрезвычайная комиссия», переименованная вскоре в «чрезвычайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике») а также «Новая чрезвычайная тройка, в составе шестнадцати товарищей» и еще «Доброкур»).

Роковой Рокк, как его представляет в повести автор, — человек 1919 года (он был бы «терпим» еще в начале 1924 года, «но в 1928 году он был странен»: «кожаная двубортная

куртка, зеленые штаны» на ногах обмотки и штиблеты, а на боку огромный старой конструкции пистолет «маузер» в желтой битой кобуре»). Столкнувшись случайно в зале Цекубу (где профессор делал доклад «о своем луче и о действии его на яйцеклетку») с Рокком, Персиков почувствовал смертную тошноту: «на миг заслонило черным яркую люстру в вестибюле», «ему почудилась гарь, показалось, что кровь течет у него липко и жарко по шее...». В Рокке профессор вдруг *конец* своего эксперимента, своего института и самого себя. Когда же посетитель из Кремля с секретными бумагами появляется в кабинете Персикова, он производит на профессора то же «крайне неприятное впечатление. Маленькие глазки смотрели на весь мир изумленно и в то же время уверенно, что-то развязное было в коротких ногах с плоскими ступнями».

Зловещий посетитель профессора — выходец из страшной эпохи «военного коммунизма». Для большевика в кожанке ясно, что луч — «это государственной важности дело», его должен сосредоточить в своих руках государственный, советский человек — Рокк. Потому он и твердит: «...государству необходимо...», «за границей пишут про нас всякие гадости», «ваш луч такой знаменитый, что хоть слонов можно вырастить, не только цыплят». Уверенность Рокка в том, что всё, за что бы он ни взялся, у него «выйдет», заражает даже Персикова (хотя профессор смущен тем, что для Рокка он — «товарищ да товарищ»). Пораженный Рокковой энергией, Персиков спрашивает: «Вы не зоолог? нет? жаль... из вас вышел бы очень смелый экспериментатор... Да... только вы рискуете ... получить неудачу...»

Последствия «товарищества» профессора Персикова, пытавшегося «выводить» «новую жизнь», как гомункулуса в пробирке, и экспериментатора из Кремля, с подлинно большевистским размахом, лишённого каких бы то ни было комплексов и знаний, — известны: «дьявольские яйца», высиженные адской машиной, породили змеиное отродье — предсказанную Булгаковым катастрофу 192–1929 гг.

<...>